

М. Агоштон

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИМВОЛИКИ: ДВУГЛАВ НА КРАСНОВОСКОВОЙ ПЕЧАТИ ИВАНА III 1497 ГОДА

Высшая школа им. Д. Бержени (г. Сомбатхей, Венгерская Республика)

Политические события 1990-х гг. вновь актуализировали проблему возникновения российской государственной символики: 1997 год стал годом празднования пятисотлетнего юбилея главного гербового символа России – двуглавого орла. Массовое увлечение старой геральдикой в современной России обусловлено, с одной стороны, мифом о возможности вернуться к истокам, то есть перечеркнув революцию и десятилетия Советской власти, найти Россию, "которую мы потеряли", с другой стороны, эмоциональной и подсознательной жадой возникшего потребительского общества постоянного притока новых и новых символических образов. Собственно проблема происхождения российских гербовых символов имеет узкое значение. Гораздо более существенна проблема мультикультуральных влияний на российскую цивилизацию в рассматриваемом в диссертации конкретном аспекте.

Идея византийских истоков русского двуглавого орла принадлежит В. Н. Татищеву. Он посчитал, что Иван III приобрел этот герб "по наследию" царевны Софьи Палеолог (означенный фрагмент был впервые опубликован после смерти историка. См.: *Татищев В. Н.* История Российская. Кн. 1. Ч. 2. Гл. 46. – М., 1768. – С. 548–552) [1, с. 356–357, 368–370]. Однако прочное утверждение положения о византийских истоках русского двуглава произошло благодаря труду Н. М. Карамзина. По независимому от предшественника мнению этого историка, Иван III принял герб двуглавого орла "по свойству с царями греческими" и соединил его на своей печати с гербом московским – всадником-змеборцем [2, с. 46]. Тем не менее византийские корни изображения двуглавого орла никак не обосновывались ученым. Тезис Н. М. Карамзина о византийском происхождении русского двуглавого орла был также безоговорочно принят первым исследователем русской сфрагистики и геральдики А. Б. Лакиером (1824–1870) [3, с. 141]. В вышедшем в 1855 г. обобщающем труде о русской геральдической символике А. Б. Лакиер значительное внимание уделил именно печати 1497 г. Изображения на ней двуглавого орла и всадника исследователь

классифицировал как государственный герб [3, с. 81]. Графические образы на печати Ивана III, по мнению А. Б. Лакиера, были ничем иным, как титулом государя в эмблеме [3, с. 155]. На основе многочисленных примеров исследователь убедительно показал, что на печати Ивана III в виде всадника изображен не св. Георгий Победоносец, а сам государь, то есть великий князь.

Положение о византийских истоках русского герба было подвергнуто критике в начале XX в. Н. П. Лихачев посчитал, что внешнее оформление печати 1497 г., в частности, круговая легенда с полным титулом великого князя Ивана, следовало западноевропейским образцам того времени. Н. П. Лихачев предположил, что само принятие нового титула великого князя и создание новой государственной печати произошло под влиянием посетившего в 1489 г. Москву посольства императора Священной Римской империи Фридриха III Габсбурга. Мотивом, которым при этом руководствовался великий князь, было стремление "во всем равняться – в титулах, и в формулах грамот, и во внешности булл – цесарю и королю римскому". Н. П. Лихачев сформулировал методологически важное положение о том, что русскую государственную печать необходимо сопоставить с польской и шведской, а последние с печатью Священной Римской империи и с западноевропейскими печатями вообще [4, с. 4]. В предисловии к одной из своих монографий Н. П. Лихачев определил и другой важный тезис: "Если будет доказано положение, что Византия (так же как и Римская империя) не знала государственной печати и на печатях императоров не помещала геральдического двуглавого орла, станет очевидно, что московское правительство не могло заимствовать непосредственно из Византии того, чего та не имела" [5, с. 1].

Исследования Н. П. Лихачева и других византинистов, в частности, А. В. Соловьева, блестяще подтвердили предположение о том, что Византийская империя не знала геральдики в западноевропейском смысле этого понятия, не имела и государственной эмблематики, а рисунок двуглавого орла никогда не был

символом этого государства или его императоров [6, с. 132].

Последнюю точку в критике византийской теории происхождения российского двуглава попытался поставить в 1966 г. американский историк Густав Алеф в статье, имевшей провоцирующий подзаголовок – "Несогласный взгляд" [7]. Выступление американского ученого, выполненное в присущем части западной историографии ревизионистском стиле, получило отклик среди российских историков. В работах 1990-х гг. В. А. Кучкин и Н. А. Соболева стали развивать концепцию американского историка Г. Алефа, подкреплять ее новыми фактами. Общим недостатком последних публикаций В. А. Кучкина и Н. А. Соболевой стало то, что выдвинутые ими гипотезы стали излагаться как реальные факты. Таким образом, что касается историографии проблемы, то в основном спор в исторической литературе велся вокруг культурно-цивилизационного источника заимствования русского двуглавого орла. При этом в последнее время сторонники византийских истоков явно заняли оборонительные позиции. Между тем на протяжении почти двухсот лет с момента публикации прорисей в "Собрании государственных грамот и договоров" и в таблицах книги А. Б. Лакиера представления ученых о печати 1497 г. основывались на обобщенном неточном и искаженном образе. Описывавшие печати исследователи при воспроизводстве титулов обращались именно к этим прорисям, а не к хранящимся в архиве оригиналам. От этого в публикуемые тексты титульных легенд закрались незначительные ошибки. В итоге ни один из опубликованных титулов не совпадал в написании с оригиналом. Последние воспроизведения титула В. А. Кучкиным и Н. А. Соболевой только добавили разночтений и породили больше вопросов, чем ответов. Неясным остается вопрос о деталях изображения на печати Ивана III и число сохранившихся экземпляров печати.

В связи с этим очевидно, что необходима новая научная публикация всех сохранившихся (в том числе и во фрагментах) великокняжеских и княжеских печатей.

Обращение к оригиналам печатей обнаружило, что до наших дней их сохранилось не семь, как считалось в начале 1990-х гг., а всего четыре: печать при жалованной меновой и отводной грамоте великого князя Ивана Василье-

вича его племянникам князьям волоцким Федору и Ивану Борисовичам (июль 1497 г.) [8], печать при докончальной грамоте великого князя Василия Ивановича с его братом Юрием Ивановичем (16 июня 1504 г.) [9], печать при жалованной грамоте великого князя Ивана Васильевича его сыновьям князьям Юрию, Дмитрию, Семену и Андрею на дворы в Москве (около 16 июня 1504 г.) [10], печать при жалованной кормленной грамоте великого князя Ивана Васильевича Александру Васильевичу Карамышеву на город Плес в Костромском уезде [11]. Из этого списка три экземпляра хорошей сохранности находятся в древлехранилище РГАДА, а один (последний в списке) во фрагментах в отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге. В ходе исследования установлено, что печати, хранящиеся в РГАДА, происходят от различных матриц. Матрица печати, сохранившейся при докончальной грамоте от 16 июня 1504 г. великого князя Василия Ивановича с его братом Юрием Ивановичем, отличается от матрицы печати, сохранившейся при жалованной грамоте великого князя Ивана Васильевича его сыновьям князьям Юрию, Дмитрию, Семену и Андрею на дворы в Москве, ошибками в прорези титула и другим образом всадника. Что касается знаменитой печати 1497 г., то она имеет характерное повреждение. На лицевой стороне отсутствует сектор от четвертой до восемнадцатой минуты окружности печати, на оборотной стороне – от сорок второй до пятьдесят шестой минуты. К сожалению, повреждение корпуса печати привело к утрате значимых фрагментов рисунка. На лицевой стороне печати отсутствует голова всадника, большая часть его тела выше пояса и верх бедер. В связи с этим мы не можем видеть лица всадника. Внимательное изучение печати 1497 г. свидетельствует о том, что она была сделана той же матрицей, что и печать при жалованной грамоте великого князя Ивана Васильевича его сыновьям князьям Юрию, Дмитрию, Семену и Андрею на дворы в Москве. Детальные описания изображений и мотивированное прочтение титульной надписи печати позволяют преодолеть существовавшие до этого в исторической литературе разночтения и упоминания фантастических несуществующих деталей рисунка, порожденные по большей части отсутствием компьютерных технологий анализа подлинника и использова-

нием в исследовании исключительно прорисей печатей XIX в.

В современной историографии господствует мнение о том, что изображение двуглавого орла на печати Ивана III было заимствовано с герба императоров Священной Римской империи. Возникает вопрос, могло ли знакомство в Москве с печатью римско-германского императора Фридриха III повлиять на выбор двуглавого орла в качестве символа для помещения на оборотную сторону печати 1497 г.? Исследование сведений о характере дипломатических посланий императора Фридриха в Москву позволяет отрицательно ответить на этот вопрос. Прибывший в Москву в 1486 г. рыцарь Поппель был снабжен рекомендательными письмами императора. Подобного же рода посланием Поппель был снабжен в 1489 г. Для скрепления подобного рода документов, как нами установлено при работе в Венском архиве, большая императорская печать с изображением двуглавого орла на оборотной стороне не использовалась.

Версия о заимствовании двуглавого орла из Византии в современной историографии подвергнута серьезной критике, основной тезис которой сводится к справедливому положению, что византийская культура не знала геральдики и гербов и, следовательно, двуглавый орел никогда не был гербом византийского императора. Вместе с тем исследователи обратили внимание на сходство силуэта двуглавого орла с печати Ивана III с силуэтами балканских двуглавы XV в. из Морей, Зеты и Албании.

Представление о двуглавом орле как гербе поздней Римской империи зародилось в литературе раннего ренессанса в Италии. Решающую роль здесь имели фрагменты "Истории Флоренции" о гербовой традиции Римской империи итальянского сочинителя Джованни Виллани (первая половина XIV в.) [12, с. 32]. Эта чисто литературная идея повлияла на выбор символа двуглавого орла в качестве имперского герба императором Сигизмундом Люксембургским. Традиционная культура Византийской империи действительно не знала гербов и геральдики, но в XIV–XV вв. она была подвержена кризисным явлениям. Здесь необходимо указать на такое явление культурной жизни Византийской империи накануне ее падения, как латинофильство. Византийское латинофильство опиралось как на внешние, глав-

ным образом современные итальянские влияния, так и на наследие Латинской империи. Исследование всех случаев использования образа двуглавого орла на Балканах в XV в. позволяет усмотреть в них латинофильские корни или ориентации. Двуглавый герб не был гербом Византийской империи, но в XV в. в геральдике Западной Европы присутствовало представление о двуглавом орле как гербе императора Константинопольского. Сторонники унии последние византийские императоры во время посещения и долгого пребывания в странах Западной Европы придерживались принятых правил игры. Они и их окружение должны были следовать бытующим там обычаям и культуре, в частности, принимать на себя геральдические знаки, присваиваемые им в соответствии с традициями, уходящими корнями в Латинскую империю. После падения Константинополя в 1453 г. часть представителей византийской правящей элиты, ориентированной на латинскую культуру, эмигрировала на Запад, прежде всего в Италию. Именно выходцы из этих семей, прежде всего Траханиоты, оказались позднее на службе в Москве.

Итак, образ балканского двуглавого орла возник в специфической зоне культурного контакта в момент кризиса и гибель Византийской цивилизации. В Москву он попал посредством выходцев из латинофильских византийских семейств. Что касается его значения, то на печати двуглав не занимает подчиненного значения по отношению к всаднику-змееборцу. Изображение всадника на лицевой стороне должно было обозначать, что владелец печати носит княжеский титул. Рисунок же двуглавого орла на оборотной стороне обозначал герб. В отличие от советников, такой смысл композиции не был понят владельцем печати и его ближайшими преемниками.

Проведенное исследование дает основание отказаться от теорий византийского происхождения двуглава на печати Ивана III 1597 г. Появление в конце XV в. графических прообразов современной русской государственной символики было связано с южноевропейским культурным влиянием, со стилистикой эпохи Ренессанса. Кроме того, необходимо учитывать и тот факт, что на русской княжеской сфрагистике западноевропейское влияние ощущается значительно ранее, с конца XII – начала XIII вв. К моменту появления печати 1497 г. некоторые

сфрагистические западноевропейские влияния были освоены русской культурой и стали традиционными.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Татищев В. Н.* История российская. Т. 1. – М., Л., 1962. – С. 356–357, 368–370.
2. *Татищев В. Н.* История российская. Т. 4. Гл. 2. – М., Л., 1962. – С. 46.
3. *Лакиер А. Б.* Русская геральдика. – М., 1990.
4. *Лакиер А. Б.* Древнейшая сфрагистика. Из лекций по дипломатике, читанных в Императорском Археологическом институте за 1904/05 учебный год. – СПб., 1906. – С. 4.
5. *Лакиер А. Б.* Некоторые старейшие типы печати византийских императоров. – М., 1911. – С. 1.
6. *Solovjev A. V.* Op. cit. – P. 132.
7. *Alef G.* Op. cit. – P. 1–21.
8. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). ф. 135. Отд. I. Рубр. II. № 78.
9. РГАДА. Древлехр. Отд. I. Рубр. II. № 78.
10. РГАДА. Древлехр. Отд. I. Рубр. IV. № 12.
11. Российская национальная библиотека (РНБ). Собрание грамот. ф. 532 (ОСАГ) оп. 1. № 58.
12. *Виллани Дж.* Новая хроника, или История Флоренции. / Пер., стат. и прим. М. А. Юсима. – М., 1997. – С. 32.